

бравшихся за ответ на этот вопрос. «Дело в том, – сказал он, – что мой замок стоит на самой границе, и, если я попрошу его величество остаться, люди могут подумать, что я это сделал лишь ради своей пользы». Король настойчиво потребовал от него высказать свое мнение. И граф ответил, что, если король примет решение вести кампанию и в следующем году, он сочтет для себя большой честью остаться. Вслед за тем легат опросил тех, кто сидел рядом с графом де Жафе, и все они согласились с Гюи Мовуазеном.

Я сидел в том же ряду, что и легат, и нас разделяло примерно четырнадцать человек. Он спросил меня, что я думаю, и я ответил, что согласен с графом де Жафе. Он очень гневно задал мне вопрос, как, по-моему, король будет вести кампанию, когда у него так мало людей. Я ответил, также разгневавшись, поскольку подумал, что он задал мне этот вопрос, лишь чтобы вывести меня из себя: «Если вы хотите знать, сир, я вам отвечу. Люди говорят, хотя не знаю, правда ли это, что пока король тратил не свои деньги, а доходы церкви. Так пусть теперь король потратит часть своих запасов, чтобы набрать рыцарей из Мореи и других земель из-за моря. Когда они услышат, что он платит щедро и великодушно, сюда соберется столько рыцарей, что он сможет, с Божьего благословения, продержаться еще год. Оставшись, он сможет за это время добиться освобождения бедных узников, которые попали в плен на службе Богу и ему и которые никогда не увидят свободы, если он уйдет отсюда». У всех, кто здесь присутствовал, были в плену близкие друзья. Никто не возразил мне, и у всех на глазах выступили слезы.

После того как я ответил легату, тот повернулся к доброму рыцарю Гийому де Бомону, который был тогда маршалом Франции, и спросил его мнение. Он сказал, что, по его мнению, я говорил очень разумно. «И, – добавил он, – скажу вам, почему и я думаю точно так же». Но в этот момент его дядя, достойный рыцарь Жан де Бомон, который очень хотел вернуться во Францию, с оскорбительными выражениями обрушился на него. «Ты, гнусный ублюдок, – закричал он, – что ты себе думаешь? Сядь и держи язык за зубами!» После этого король сказал Жану де Бомону: «Сир, вы поступаете очень неправильно. Пусть он выскажет то, что считает нужным». Тем не менее маршал счел себя обязанным хранить молчание, и никто из присутствующих не согласился со мной, кроме властителя Шатене. Наконец король сказал: «Мессире, я обдумываю все, что вы сказали, и через неделю сообщу вам, что собираюсь делать».

Когда мы покинули встречу, меня со всех сторон стали осыпать упреками. «Должно быть, король действительно сошел с ума, если отдаст вам предпочтение перед советом всего королевства Франция!» Когда столы были накрыты, король предложил мне сесть рядом с ним во время обеда, как он всегда делал в отсутствие братьев. Во время всей трапезы он ничего не сказал мне, что противоречило его обычной привычке, ибо он всегда уделял мне внимание, когда мы ели. Я подумал, что, должно быть, в самом деле раздосадовал его словами, что он еще не использовал своих денег и должен пустить их в ход.

Когда король выслушал послеобеденную молитву, я подошел к зарешеченному окну в амбразуре у изголовья его ложа. Просунув руки сквозь прутья решетки, я остался стоять, думая, что, если король вернется во Францию, я перейду к князю Антиохийскому, который был моим родственником и который уже просил меня присоединиться к нему. Там я и останусь, пока не придет время очередной экспедиции отправляться за море, чтобы добиться освобождения пленников.

Пока я стоял так, король подошел и, облокотившись на мои плечи, положил обе руки мне на голову. Я было подумал, что это Филипп де Немур, который сегодня очень осуждал меня за тот совет, который я высказал. Поэтому я воскликнул: «Перестань надоедать мне, мой дорогой Филипп!» Но когда я случайно повернул голову, то рука короля скользнула вниз, и по кольцу с изумрудом я понял, кто стоит за мной. «Тише, тише, – сказал он, – потому что я хочу спросить, как столь молодой человек может быть таким смелым, что он советует мне оставаться, противореча мнению всех мудрых и знаменитых людей Франции, которые советуют мне уезжать?»

«Ваше величество, – сказал я, – если бы даже столь плохая идея когда-либо пришла мне в голову, я бы никогда не стал советовать вам уезжать». – «Ты хочешь сказать, – спросил он, – что я поступил бы неправильно, если бы отбыл отсюда?» – «Да, сир, и да поможет мне Бог!» Тогда он сказал: «Если я останусь, ты тоже останешься?» – «Конечно, если мне это будет под силу, – ответил я, – то ли за свой счет, то ли за счет помощи кого-то еще». – «Тут ты можешь быть спокоен, – сказал король, – потому что меня очень порадовал совет, который ты мне дал. Но до конца недели ни с кем не говори об этом».

Услышав его слова, я испытал большое облегчение, поскольку мог куда увереннее защи-